

Глава 24. Африканский буйвол

— Ну и кого ты хочешь: брата-уличного певуна или брата-трансвестита? Лично я советую первый вариант.

— Пошёл ты нахуй, Джимми! Я обоих видеть не желаю!

Это был первый раунд переговоров между братьями Лемон, едва они переступили порог дома.

Джеймс выложил карты на стол касательно своей новой работы и даже любезно предложил старшему выбор без выбора. Однако тот его душевный порыв не оценил.

Линд был в бешенстве.

Он сидел на диване, прямой как палка, с потемневшим от злости лицом, и испепелял взглядом непутёвого младшего брата. А тот преспокойно разгуливал по комнате в плотной женской юбке, сверкая голыми ногами, без тени смущения хлопал дверцей холодильника и пил молоко прямо из пакета.

"Какого хера? — Линд в ярости сжал кулаки. — Это что, мой наивный, славный младший братец?"

Линду до зуда в пальцах хотелось вскочить, вцепиться паршивцу в глотку, запихать его обратно в материнскую утробу и слёзно умолять матушку родить его заново через положенные десять месяцев. Только на этот раз — приличную, послушную, милую девочку без этой дурацкой штуковины между ног.

Тогда, по крайней мере...

От нынешней картины не хотелось бы выколоть себе глаза!

В отличие от бурлящего вулкана в лице старшего брата, Джеймс оставался олимпийски спокоен.

Он даже не торопился снимать юбку. Бродя по дому из угла в угол, то и дело прикладываясь к молоку, Джимми упивался блаженным чувством облегчения — будто камень с души свалился. Сжигавшие его изнутри тревога и мандраж из-за вечного вранья испарились без следа. Осталась лишь крошечная капля вины за то, что так долго скрывал правду от близких. Да и та, стоило бросить взгляд на неописуемую кислую мину Линда, злорадно трансформировалась в дикое желание расхохотаться в голос.

После затянувшегося молчания Линд выдавил:

— Значит, вся эта история про ученика в автомастерской — брехня?

Джеймс попытался оправдаться:

— Ну, я же не бездельничал. За пение вообще-то тоже платят...

— Заткнись, трепло! Теперь я спрашиваю, ты — отвечаешь.

— Ладно.

— С тех пор как ты бросил колледж, ты ни разу не переступал порог мастерской? Всё это время ты вешал нам лапшу на уши?

— Ну почему сразу «лапшу»? Я просто занимался другими делами...

— Да или нет?

—... Да.

— И бабы у тебя никакой нет, а по ночам ты пропадал чёрт пойми где?

— Нет у меня никого. Да.

— И все эти сказки про «корпоративные посиделки с коллегами» — тоже туфта? Ты просто шлёпал в свой дурацкий клуб и зависал там до утра?

— Мы не зависали... Ладно, ладно, да!

— И что за песни ты там орёшь? За что тебе вообще платят? Ты там стриптиз танцуешь? Позволяешь всяким уродам лапать себя за задницу и совать баксы за резинку трусов?

— Ах ты сука! Линд Лемон, пасть закрой! А ну повтори, что сказал!

Джеймс взорвался.

У этого козла вообще мозги на месте? Как у него язык повернулся сравнить родного брата с дешёвой шлюхой с панели?

Братья уставились друг на друга, дыша яростью. Подавшись вперёд и выпятив подбородки, они

принялись закатывать рукава. Казалось, за спинами у них вот-вот развернутся невидимые бойцовские крылья — вылитые петухи перед смертельной схваткой.

История умалчивает, кто врезал первым.

Но они сцепились.

Для дома, где жили одни мужики, мордобой давно стал привычным языком общения. Если назревал неразрешимый спор, а аргументы заходили в тупик, лучшим выходом было просто заехать оппоненту в челюсть. Мешкать не стоило: не ударишь ты — прилетит тебе. Так что проще было перехватить инициативу, а подробности выяснять уже над поверженным противником.

Правда, калечить младшего Линд не собирался. Драться всерьёз ему не хотелось, но вид дурацкой бабьей юбки так мозолил глаза, что он, пропуская удары, упорно пытался содрать этот кусок ткани с брата. Джеймс же, взбешённый гнусными намёками, колотил старшего от души. Повалив Линда на лопатки, он оседлал его и принялся методично окучивать кулаками.

В этот пикантный момент дверь распахнулась, и на пороге возник Джон Лемон. Картина, представшая перед его взором, лишила бы дара речи любого приличного человека: младший сын в юбке оседлал старшего, а тот с яростным сопением пытается эту самую юбку с него стянуть.

Крепкий духом старик едва не схватил инфаркт.

— Господи Иисусе! — в ужасе завопил он. — За какие грехи мне это? Вы что тут устроили, извращенцы? Какую-то инцестную порнуху по обоюдному согласию?!

"Папа! Отец! Родной ты наш! — Джеймс мысленно застонал от стыда. — Ради всего святого, если не умеешь подбирать слова — просто помолчи!"

"Откуда у тебя вообще такие познания?!"

"Какое дерьмо ты читаешь в своих платных газетёнках для взрослых?!"

В очередной раз подтвердилось: язвительность у Лемонов передавалась на генетическом уровне. Единственная фраза старого Джона по убойной силе превзошла ядерный взрыв.

Разнимать драчунов не пришлось. Братья мгновенно отпрянули друг от друга с выражением крайнего омерзения на лицах.

Пришлось держать ответ перед главой семейства.

Отдувался в основном Джеймс: он путано объяснял и про глупую шутку парней из группы, и про свои успехи на сцене, и про то, с чего началась потасовка. Линд всё это время выступал в роли раздражающего бэк-вокала, изрыгая ругательства вроде: «Брехло! Лжец дешёвый! Неблагодарный щенок! Малолетний дебил, которому лапши на уши навешали!» — короче, задолбал знатно.

Реакция старого Джона была предсказуема. По сути, он повторил путь Линда, только в более сдержанной форме, пребывая в глубоком недоумении.

Последовали расспросы с пристрастием.

— Так что, говоришь, ты там поёшь? — прищурился отец.

— Рок.

— И это кто-то слушает?

— Толпы народа, пап.

— И все они в юбках?

— Ну... это дело вкуса.

— Значит, тебе такое по душе?

— Да нет же! Я же говорю: это парни из группы подшутили!

— И всё-таки... что это за зверь такой — рок?

— Ну, это когда ты выходишь на сцену, орёшь всякую хрень, а потом объявляешь это роком. И никто тебе возразить не может.

— Это ещё почему?

— Да потому что чёткого определения року никто так и не дал.

— Чёрт пойми что, — старик поскрёб затылок. — Так что именно ты поёшь?

— Хочешь, наглядно продемонстрирую?

И Джеймс напел первый куплет из «Расстанься с ним».

Спел он отлично, в полную силу своего диапазона, но старый Джон, за всю жизнь не слышавший ничего современного церковных гимнов, впал в ещё больший ступор:

— И за этот ор люди реально платят деньги?

Линд ядовито хмыкнул и вставил свои пять пенсов:

— Сразу слышно — кабацкая попса для дегенератов.

Джеймс проигнорировал выпад брата, с надеждой глядя на отца. Но на лице старого Джона по-прежнему читалось полнейшее недоумение.

Да уж, у каждого своя судьба.

В отличие от Ланса, которого матушка осыпала поцелуями и благословила на музыкальные подвиги, Джеймс поддержки в семье не нашёл. Ни отец, ни брат его порывов не оценили.

Правда, если Линд исходил желчью и считал рок-музыку грязным, непотребным делом, то старый Джон вовсе не сомневался в моральном облике младшего сына. Его волновали вещи куда более приземлённые — например, пропитание.

Люди старшего поколения, пережившие послевоенную разруху, дефицит и бесконечные экономические кризисы, мыслили суровыми категориями выживания. Пока молодёжь витала в облаках и грезилась высокими материями, отцы думали об одном: «Позволит ли эта херня тебе не подохнуть с голоду?»

Наконец Старый Джон глухо спросил:

— И что, на этих песнях можно сделать карьеру?

Линд уловил перемену в настроении отца и недовольно буркнул:

— Пап!

Зато Джеймс ухватился за этот шанс мёртвой хваткой.

— Ещё какую! — горячо заверил он. — Про «Битлз» слышал? Они же наши, ливерпульские парни! Из таких же трущоб поднялись, а теперь их весь мир знает. И они играли именно рок!

— А-а, эти... — Старый Джон, далёкий от хит-парадов, неопределённо хмыкнул. Он наморщил лоб, пытаясь вспомнить. — Что-то такое припоминаю.

Поняв, что наживка заглочена, Джеймс пустился во все тяжкие. Он расписывал блестящие перспективы так сладко, будто слава, баснословные гонорары и платиновые диски уже ждали его за углом.

Разумеется, ни отец, ни Линд не поверили ни единому слову.

Но они ясно видели: парень закусил удила и свернуть с намеченного пути его не заставит никакая сила в мире.

В итоге разговор закончился ничем.

Старый Джон не сказал ни «да», ни «нет». По его логике, раз младший бросил учёбу и начал сам зарабатывать на хлеб, значит, стал взрослым мужчиной. А решать за взрослого мужика, как ему жить, отец не имел права. Да и содержать великовозрастного оболтуса до пенсии он не собирался.

Линд же упёрся рогом. Его протест не поддавался никакой логике — он просто был категорически против.

Джеймс, впрочем, плевать на него хотел.

Не нравится? Давай ещё раз сойдёмся врукопашную, посмотрим, кто кого!

"Я уже вырос, придурок Линд. — Джеймс раздражённо отвернулся. — Нельзя всю жизнь относиться ко мне как к несмышлёнышу только потому, что ты вылез из мамы на шесть лет раньше! Ты вечно видишь во мне сопляка, которого нужно опекать и учить жизни. Да, я твой младший брат, но это не значит, что я debil!"

Общаться с Линдом не хотелось от слова «совсем». Но неприкрытый, резкий бунт младшего больно ранил старшего брата.

Ещё бы, ведь Линд его практически вырастил!

Пока отец пропадал на работе, он нянчился с мелким: держал бутылочку со смесью, менял засранные подгузники, умилялся первому лепету, таскал на руках гулять, учил ходить... Он вытирал мелкому сопли, дрался за него во дворе, делал с ним уроки и даже ходил на родительские собрания вместо родителей!

И вот теперь этот птенец оперился, расправил крылья и смеет качать права?

Смириться с этим Линд не мог.

Испепелив строптивца злым взглядом, он в сердцах хлопнул дверью и ушёл из дома. А на следующий день выследил Ланса и от души начистил ему рыло.

Какого хера?!

Нет, серьёзно, братишка, ты в своём уме?!

Что это за логика уличного гопника? Своего брата тронуть духу не хватило, так ты решил отыгаться на чужом парне?

Но Ланс-то в чём виноват?

Уинфилд, чьё самолюбие не знало границ, пребывал в глубоком шоке и истерике. Его левый глаз заплаыл огромным сине-фиолетовым бланшем, напрочь лишая парня былой привлекательности.

Зажимая половину лица ладонью, он прилетел к Джеймсу на всех парах:

— Твой братец — конченный ублюдок! Припёрся ко мне и давай орать, чтобы я тебя вышвырнул из группы, иначе он мне пропишет при каждой встрече. Я послал его нахер, а этот дегенерат взял и врезал мне!

Джеймс лишился дара речи.

Что за дурдом на выезде?

Почему, когда Ланс признаётся родителям, мамочка обнимает его, целует и во всём поддерживает? А когда он, Джеймс, честно раскрывает карты перед своей семьёй, отец заявляет, что ему плевать, а старший брат устраивает цирк с конями?

И вообще, Ланс, имей совесть, веди себя как мужик! Проиграл в драке — иди и разберись сам, какого хера ты прибежал жаловаться?

Господи, что за дебильная семейка, что за придурочные друзья, что за жизнь дерьмовая! Но, как выяснилось, это были ещё цветочки.

Всю свою ярость Ланс выплеснул в творчество, накатав новую песню под названием «Африканский буйвол».

Текст представлял собой отборное, ничем не прикрытое поливание грязью, где под образом неповоротливого рогатого скота легко угадывался Линд. Тварь тупорылая! Ублюдок чванливый! Я буду глумиться, глядя, как ты драпаешь от львиных когтей! Сдохни, скотина! Тебя загрызут гиены, обглодают стервятники, и останутся от тебя лишь кучи высохшего навоза в саванне!

Конечно, сублимация злобы в стихи — метод цивилизованный, физически безвредный и даже в чём-то забавный.

Но пикантность ситуации заключалась в том, что петь этот шедевр предстояло Джеймсу. Младшему брату Линда.

Для Линда...

Это был самый изощрённый, издевательский удар под дых.

Как кошка с собакой

Ланс шипел:

— Твой брат — грёбанный психопат! У меня нет сиблингов, но скажи мне, какой нормальный старший брат считает младшего своей собственностью? Он вообще кто для тебя — хозяин кукольного домика?

Линд гремел:

— Этот скользкий Уинфилд — ядовитая змея. Он втирается в доверие, пудрит тебе мозги, таскает по притонам и превращает в размалёванного пидора! Он рушит нашу семью, и я бы с радостью пустил ему пулю в лоб!

Джеймс от этой внезапно вспыхнувшей войны местного значения тихо выпадал в осадок, будучи не в силах хоть как-то повлиять на ситуацию. Он занял позицию вооружённого нейтралитета: следил лишь, чтобы дело не доходило до поножовщины, а на обоюдные плевки, оскорбления и мелкие каверзы просто закрывал глаза.

Кого тут поддержишь? С одной стороны — близкий друг, соратник и единомышленник, с которым они делят общую мечту. С другой — родной брат, вырастивший его и готовый ради него в огонь и воду.

Прими он чью-то сторону — сразу огребёт клеймо предателя от обиженного лагеря.

Злопамятный Тео откровенно злорадствовал и запасался попкорном.

Единственным громоотводом для жалоб Джеймса оставался добродушный барабанщик Болдуин.

— Братан, ну вот что мне делать? — ныл Джимми, изливая ему душу. — Я ещё жениться не успел, а уже чувствую себя как подкаблучник между злой тёщей и капризной женой. И всё из-за этих двух придурков!

Болдуин, давно привыкший работать жилеткой для чужих слёз, слушал его с кротким лицом библейского мученика. Но в глубине души его внутренний голос истошно орал:

"Что делать? Что, блядь, делать?! Откуда мне знать?! Мне двадцать пять лет, у меня нет ни мамы, ни жены, отъебьтесь от меня все!"

Впрочем, жизнь подкидывала не только неприятности.

Постепенно дела рок-группы «Планета» пошли в гору. Обзаведясь собственным репертуаром и собирая отличные отзывы на каждом гиге, молодые рокеры привлекли внимание воротил шоу-бизнеса.

Правда, на горизонте пока не маячили крупные акулы — те предпочитали выжидать, оценивая потенциал новичков. Зато слетелось полно всякой шушеры в надежде пожить за чужой счёт.

Кого тут только не было: холёные пажоны в дорогих тройках, неформалы в потёртых косухах...

И каждый первый соловьем заливался о том, как превратит «Планету» в новых суперзвёзд стадионного масштаба.

Поверить их басням мог только клинический идиот.

Типовые контракты, которые они подсовывали, пестрели кабальными условиями. По сути, это было завуалированное рабство: грабительские проценты, кабала на десять лет вперёд и полное отсутствие творческой свободы.

И плевать, что эти дельцы били себя в грудь и обещали золотые горы — мол, подпишите здесь, и мы сразу выведем вас на мейджоров, а через три дня выпустим сингл.

Ланс слал их лесом без малейших колебаний.

Решение было единственно верным. Как раз в то время одна перспективная местная банда соблазнилась быстрыми релизами и подписала похожую бумажку. Не прошло и года, как продюсеры высосали из них все соки и выбросили на обочину шоу-бизнеса.

Что бы там ни думали скептики, Ланс оставался стержнем и мозгом «Планеты».

Если представить группу пиратским судном, то именно он твёрдо держал штурвал. Благодаря его холодному разуму и полному отсутствию жадности до лёгких денег, их шхуна успешно лавировала между рифами, уверенно идя наперекор любым штормам.

Впрочем, это выяснилось гораздо позже.

Пока что парни смутно представляли себе коварство индустрии. Да, они понимали, что контракты мутные, но радикальный отказ Ланса всё же породил лёгкие сомнения. Джеймсу и Тео было проще — для них это был первый опыт, они не парились. А вот Болдуин ходил мрачнее тучи. Он ждал своего часа слишком долго.

Ланс тоже прекрасно понимал расклады.

Мечта выкупить их бывшую школу через пять лет (Джеймс до сих пор считал это первосортным бредом) требовала активных действий. Сидеть на месте и ждать у моря погоды Уинфилд не собирался. И тогда ему в голову пришла безумная идея:

— Мы едем в тур. Если не покажемся за пределами Ливерпуля, нас никто и никогда не заметит.

— Что? В тур? Каким образом? — Все уставились на него как на сумасшедшего. — У нас нет ни агента, ни спонсора, нас никто никуда не звал!

— Агента на первое время найдём, — отмахнулся Ланс. — Раз не зовут — напросимся сами. Спонсоры тоже не нужны, поедem за свой счёт. Было бы желание, а способ всегда найдётся.

Он обвёл парней серьёзным взглядом:

— Проблема только одна. Если вписываемся в это дерьмо, придётся увольняться из клуба.

Уволиться?

Сказать легко, сделать — страшно.

Для безвестной андеграундной банды стабильный контракт с клубом и регулярное жалование

от лояльного хозяина — редкая удача, мана небесная. Бросить всё означало добровольно лишиться гарантированного куска хлеба и вновь окунуться в хаос безденежья, колеся по стране в поисках копеечной халтуры.

Легко отказываться от того, чего у тебя никогда не было. Но добровольно отдавать обретенную синицу в руках ради призрачного журавля в небе — задача не из лёгких.

И всё же они решились.

В жилах этих парней текла горячая кровь авантюристов. Они не умели плыть по течению и меньше всего на свете хотели всю жизнь просидеть в тёплом болотце.

Жребий был брошен.

Ланс в кратчайшие сроки раздобыл (точнее, развёл на слабо) человека и подписал с ним простенькое соглашение о сотрудничестве.

Джеймс подозревал, что бедолагу тупо заманили в ловушку красивыми словами. Бедный парень даже не догадывался, что солидная должность «тур-менеджера рок-группы "Планета"» на деле означала обязанности импресарио, разнорабочего, вышибалы, хранителя аппаратуры и чёрт знает кого ещё. Ему предстояло настраивать звук, пинать музыкантов перед выходом, таскать барабаны и решать любые проблемы в режиме двадцать четыре на семь.

Впрочем, музыканты не были законченными садистами и не собирались валить на него абсолютно всё. В группе было от силы четыре человека, звёздной болезнью никто не страдал, так что по мере сил они всегда были готовы прийти на помощь. Но во время концертов им приходилось стоять на сцене, так что львиная доля черновой работы всё равно ложилась на плечи новичка.

Благодаря этой поездке несчастный парень обрёл своё легендарное прозвище — Всемогущий Дэвис.

Дэвис был долговязым, веснушчатым парнем в старомодных очках с толстыми линзами.

Сверстник музыкантов, он так же горел энергией, отличался лёгким нравом и поразительной харизмой — мог заговорить зубы кому угодно, от портового грузчика до чопорного лорда. Для человека, которому предстояло улаживать конфликты с владельцами площадок, лучшей кандидатуры было не найти.

Но главным его козырем была любовь к искусству. Дэвис с детства бредил сценой, однако Бог обделил его слухом — парень фальшивил так, что вяли уши. Поняв, что рок-звезды из него не выйдет, он выбрал путь роуди. Несмотря на молодость, за плечами у него был солидный багаж: он успел покататься по дорогам с гастролями как классических оркестров, так и балетных

трупп. Парень знал всю концертную кухню изнутри.

Он спал и видел, как возглавит полноценный масштабный тур, но из-за несерьёзного возраста авторитетные группы не спешили доверять ему бразды правления.

Ланс проявил чуткость скаута и вовремя прибрал неогранённый алмаз к рукам.

Дэвис оказался неисправимым оптимистом. Узнав, что под его крылом всего четыре человека, он ни капли не расстроился. Напротив, идея вырастить из неизвестных ливерпульских бродяг мировых звёзд казалась ему чертовски увлекательным приключением.

"Наш человек! — Джеймс мысленно одобрил его. — Без изрядной доли здорового пофигизма в этом безумном мире давно можно было двинуться рассудком."

Дэвис загорелся поездкой так, что тут же засел с Лансом за карты. Они сутками планировали маршруты, вызванивали провинциальные пабы, выбивали скидки на аренду аппарата, набрасывали рекламные листовки и высчитывали бюджет до последнего пенни.

Тем временем «Планета» официально подала заявление об уходе из клуба.

Господин Дуайт удивился. Решив, что парней не устраивает оплата, он даже попытался набавить ставку, чтобы сохранить кассовую группу. Но когда он услышал, что эти безумцы уходят в турне за собственный счёт, то лишь всплеснул руками:

— Да уж, молодо-зелено... С ума сойти!

Поняв, что удерживать их бесполезно, он без лишних проволочек подписал бумаги и от широты души выделил из личного кармана кругленькую сумму на дорожные расходы.

Донат был скромным, но пришёлся как нельзя кстати. Ланс к тому моменту сидел на мели и всерьёз подумывал о том, чтобы начать сдавать почки товарищей по группе на органы.

Перед самым отъездом Линд и Ланс снова сцепились.

В тот день Ланс завис в музыкальном магазине, разглядывая гитары.

Джеймс искренне не понимал эту манию: у парня уже был отличный инструмент, но тот пускал слюни на каждый новый Телекастер. Стоило Лансу увидеть гитару, как он превращался в первоклашку перед витриной кондитерской — глаза горели, пальцы подрагивали, а в мыслях крутилось одно: «Дайте всё! И вон ту заверните!»

Короче говоря, поборов искушение и купив лишь комплект новых струн, Уинфилд вышел на улицу.

И тут из засады за углом выскочил Линд. Без лишних слов он засадил кулаком прямо в лощёную физиономию гитариста.

Но Ланс тоже был не промах.

Красивым людям частенько приходится отстаивать право на свою красоту — либо из-за идиотского принципа «бьёт — значит любит», либо из зависти окружающих. Так что Уинфилд, хоть и пропустил первый выпад, быстро сориентировался и дал яростный отпор.

Они покатались по тротуару, раздавая друг другу тумаки.

Зеваки тут же облепили драчунов плотным кольцом, улюлюкая и подначивая:

— Давай! Начисть ему рыло! Бей гада!

Улица превратилась в сумасшедший дом. Потасовка прекратилась, только когда прохожие наконец растащили их в разные стороны.

Джеймс от злости чуть не лопнул.

— С меня хватит! — истошно заорал он, подлетая к старшему и яростно размахивая кулаками для солидности. — Линд Лемон, какого хера ты творишь?!

На брата этот концерт не произвёл никакого впечатления. Линд лишь отряхнул куртку и процедил:

— Этот гадёныш хочет утащить моего младшего брата. Сам как думаешь, что я делаю?

— «Утащить»? — Ланс сплюнул кровь и гаденько ухмыльнулся. — Очаровательно. Звучит так, будто я краду его, чтобы сбежать на край света и обвенчаться.

— Завали хайло, пидор крашенный!

— Слышь, громила, ты бы сам в зеркало глянул. Из нас двоих извращенец явно не я.

"Что за дебилый диалог?! — Джеймс чувствовал, что его мозг сейчас закипит. — Ему дико хотелось отходить по почкам обоим."

Болдуин и Тео вовремя скрутили разгорячённого Джимми и уволокли подальше от греха.

Вечером Тео благородно замял старые обиды и увёл Джеймса топить горе в пиве, оставив несчастного Болдуина разбираться с двумя петухами, готовыми перегрызть друг другу глотки.

Да благословит Господь нашего басиста!

Он не просто походил на Христа — он им и был. Одному богу известно, какие аргументы нашёл Болдуин, но Линд и Ланс сотворили чудо: пожали друг другу руки и заключили перемирие.

Более того, Линд изъявил желание поехать с группой в качестве водителя!

Джеймс, услышав это, едва челюсть не потерял.

— Тебя что, вчера ночью подменили? — с подозрительным прищуром спросил он старшего. — Признавайся, настоящий Линд мёртв, а ты — актёр, которого нанял Ланс?

— Хочешь, я прямо здесь напомню, как один мелкий засранец уписался от страха, когда за ним погнался бродячий пудель? — лаконично поинтересовался Линд.

— Закрой рот, придурок, — буркнул Джеймс.

Наш парень

Джеймс сгорал от любопытства: с чего вдруг старший брат так резко сменил гнев на милость? Он засыпал Болдуина вопросами, но тот лишь отмахивался:

— Да я тут ни при чём. Они в конце концов один на один с Лансом тёрлись, шушукались о чём-то.

Это заинтриговало Джеймса ещё сильнее. Однако ни брат, ни фронтмен не спешили делиться подробностями мужского разговора.

Впрочем, вскоре расспросы отошли на второй план — нужно было собираться в дорогу.

Джеймс до сих пор не понимал, зачем Линду этот геморрой. Старший брат был слеплен совсем из другого теста.

Будем честны: «Планета» была сборищем фанатиков. Эти парни дышали музыкой и были готовы поставить на карту всё ради туманного будущего. Бросить всё, залезть в долги и укатить в неизвестность ради гастролей — для них это было в порядке вещей.

Но для прагматичного, крепко стоящего на ногах Линда вся эта затея выглядела как сектантский бред. В те годы большинство британцев рождались, женились и умирали в пределах своего графства, ведя тихую, предсказуемую жизнь работяг. А тут — толпа юнцов увольняется с тёплых мест, спускает последние сбережения и едет бомжевать по подвалам ради иллюзорной мечты. Психбольница по ним плачет, не иначе!

И единственной причиной, заставившей Линда вписаться в эту авантюру, был его младший брат. "Our kid" — его кровинушка — едет туда, а значит, и он должен быть рядом.

Джеймс был растроган, но в то же время чувствовал неловкость. Ему не хотелось, чтобы брат ломал себя ради него, но упрямство Линда было притчей во языцех — спорить бесполезно.

Ланс, будучи единственным ребёнком в семье, этих семейных драм не разделял.

— Твой братец точно маньяк, — кривился он. — Слышал я про Эдипов комплекс, но чтобы так сохнуть по брату? Это уже патология!

— Заткнись, ради бога, — умолял его Болдуин. — Если он тебе ещё раз челюсть свернёт, мы со сцены будем не петь, а мычать.

Ланс распалялся ещё сильнее:

— Да этот завистливый урод специально целился мне в лицо! Не может пережить, что я чертовски хорош собой!

Против такого клинического нарциссизма Болдуин был бессилён.

Как бы то ни было, караван двинулся в путь.

Вскладчину они арендовали старенький фургончик, набили его до потолка комбиками, гитарными кофрами, барабанным железом и личными пожитками. Линд крутил баранку, Дэвис штурманил на пассажирском с картой в руках, а остальные музыканты вместе с тоннами оборудования теснились сзади.

Лиха беда начало.

В первый же день фортуна показала им средний палец: колымага заглохла посреди пустынной трассы.

Парни растерянно переглянулись.

— Какая сука арендовала это корыто?! — взвился Ланс. — Шаг вперёд и получи в бубен!

Тур-менеджер Дэвис робко кашлянул:

— Вообще-то... оформлял ты.

— Блядь! — не сморгнув, выдал Ланс. — Вернёмся — засужу эту шарашкину контору к чертям собачьим!

Несмотря на паршивость ситуации, банда дружно прыснула.

Вокруг — ни души, голая английская равнина, а к восьми часам вечера нужно кровь из носу быть в провинциальном пабе на окраине заштатного городишка. Иначе неустойка и позор.

Положение казалось безвыходным.

И тут на авансцену вышел Джеймс.

Вытащив из багажника пыльный ящик с инструментами, он под изумлёнными взглядами товарищей и скептическим прищуром брата зажал в зубах гаечный ключ, взял пассатижи и нырнул под капот. Несколько минут лязга, сопения и отборного мата — и движок весело заурчал.

Настоящий спаситель!

Вся честная компания разразилась овациями. Даже капризный Уинфилд расплылся в улыбке и одобрительно похлопал его по плечу.

Джеймс сиял как медный таз, обнажая острые клыки в довольной ухмылке.

"Я, конечно, знал, — Джеймс мысленно усмехнулся, — что однажды заставлю всех открыть рты от изумления. Но никак не думал, что признание придёт ко мне так быстро... И уж точно не думал, что прославлюсь как автомеханик, а не как вокалист."

Дорога утомляла. Пыль, тряска, бесконечный серый асфальт. Но под вечер они наконец докатили до пункта назначения.

Паб оказался крошечным, сцена — одно название, звук — обнять и плакать.

Однако в такую глухомань заезжие музыканты наведывались реже, чем комета Галлея. Слух о концерте разнёсся мгновенно, и к открытию заведение забило под завязку — казалось, сошлась вся местная молодёжь.

У самой сцены толпились хорошенькие, наивные провинциалки. Словно стайка весёлых воробьёв, они щебетали, строили глазки и взрывались визгом от малейшего жеста парней. Публика была горячей и благодарной до безумия.

Атмосфера царила невероятная!

Музыканты поймали кураж.

Они выдавали один трек за другим, отыграв без перерыва добрый десяток песен. Под конец Ланс, подогреваемый рёвом толпы, выдал такое зубодробительное соло на гитаре, что зал буквально взвыл от восторга.

Линд в шоу не участвовал. Он сидел в углу с Дэвисом, бдительно охраняя кофры и личные вещи — в таких злачных местах всегда хватало любителей поживиться чужим добром. Нормальной гримёрки в пабе не водилось, так что весь неиспользуемый аппарат пришлось свалить прямо у барной стойки.

— У твоего брата чертовски крутой вокал, — заметил Дэвис, вытягивая шею, чтобы получше разглядеть сцену сквозь клубы сигаретного дыма. — Парень буквально гипнотизирует зал.

— Да? А я не замечаю, — честно признался Линд. — Медведь на ухо наступил.

— Ха, да тут не нужно быть экспертом, приятель! — Дэвис поправил очки. — Ты просто прислушайся. Чувствуешь эту дикую, первобытную энергетику?

В этот момент Джеймс как раз затянул ту самую «Африканский буйвол».

Линд, ещё не подозревающий, кому посвящена эта ода ненависти, нахмурился:

— По-моему, он просто кроет кого-то матом под музыку.

— Ну и как, забирает?

— Вполне.

— Вот и отлично!

Линд лишь недоумённо повёл плечом.

И всё же до конца он этого не понимал.

Зато Линд воочию убедился в другом: на сцене его брат преображался до неузнаваемости.

В обычной жизни Джеймс, хоть и был парнем не промах, умел держать себя в узде — держался скромно, не отвечивал. Но на подмостках... Чёрт возьми, этот мелкий засранец не давал публике перевести дух ни секунды! Харизма из него так и перла.

Впрочем, удивляться не приходилось. На сцене Джеймс Лемон переставал быть просто смазливый ливерпульским мальчишкой — он становился лицом и голосом рок-группы «Планета».

Фронтмен. Тот, кто держит удар за всю банду.

Он транслировал в толпу ярость, драйв и чистую, концентрированную страсть. Его связки вибрировали на пределе возможностей, превращаясь в громогласный рупор коллектива. Группа следовала за ним шаг в шаг, подхватывая каждую ноту, выталкивая его всё выше и выше, к звёздам, пока воздух в зале не раскалился до предела, а толпа не забилась в экстазе.

Рок-н-ролльный угар — штука чертовски сексуальная. Когда вокалист отдаётся музыке без остатка, сопротивляться его обаянию невозможно.

Линд впервые осознал, каким магнитом для девчонок стал его младший брат.

К концу гига юные леди окончательно слетели с катушек. Они срывали голоса в истошном визге, пожирая глазами каждого музыканта на сцене, будто перед ними предстали сами олимпийские боги.

После финального аккорда Линду пришлось лично прорываться сквозь стену из благоухающих девичьих тел, чтобы вызволить непутёвого родственника.

Джеймса зажали в тиски: одна фанатка мёртвой хваткой вцепилась в его серебряный крестик на шее, а другая тянула цепочку в противоположную сторону. Ещё пара минут — и несчастного солиста задушили бы прямо у микрофонной стойки ради сувениров.

Да уж, объятия сирен сладки, но губительны для героя.

Впрочем, спасённый Джеймс ни капли не испугался. Оказавшись в надёжных руках старшего брата, он умудрялся вертеться у него на плече и посылать воздушные поцелуи визжащей вслед толпе.

— Видал, какие лапочки? — восторженно орал он. — Обожаю их! Всех до единой обожаю!

— Заткнись ты уже, — беззлобно буркнул Линд, едва удерживаясь от желания дать ему затрещину.

Вдруг Джеймс извернулся, обхватил лицо брата ладонями и звонко чмокнул его в щёку:

— И тебя я тоже люблю, бро!

Линд пошатнулся и чуть не уронил этот драгоценный груз на грязный пол:

— Твою мать!

Зеленоглазый чертёнок на его плече залился счастливым, звонким смехом.

Линд вздохнул, качая головой, но не выдержал и тоже рассмеялся.

Вечные дразги братьев Лемон снова растаяли без следа.

Наблюдавший за этой сценой Ланс надолго задумался, созерцая семейную идиллию с самым серьёзным видом.

Но в конце концов брезгливо передёрнул плечами, оставшись при своём мнении:

— Нет, это всё-таки чистой воды извращение.

<http://bllate.org/book/19389/1986964>